

ПОСВЯЩАЕТСЯ
АКАДЕМИКУ ВАСИЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ СТРУВЕ
В СВЯЗИ С ЕГО СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕМ

В. О. Тюрин

АНТАКИ

(Из истории народных движений в ахеменидском Иране)

Народных движениях в странах, находившихся под властью Ахеменидов, в источниках имеются лишь очень скудные и неполные данные; некоторые из них, например, известие о смутах после смерти Кира, носят характер глухого намека. Несколько полнее наши известия о восстании в Лидии и Ионии вскоре после завоевания их персами. Совершенно определенно о народных движениях информирует нас только Бехистунская надпись, в которой, однако, отражен лишь сравнительно краткий промежуток времени с 522 по 519 г. до н. э.¹

Геродот, второй наш источник, повествующий о событиях тех же лет, уделяет, однако, больше всего внимания истории Лжемердиса, хотя попутно дает и такие сведения, по которым можно судить о народных движениях («смута» во время царствования мага, восстание семи — III, 150).

О годах, последовавших за полным восстановлением державы Ахеменидов при Дарии, мы имеем мало сведений и еще меньше или почти ничего о народных движениях, за исключением движения в Ионии, приведшего к восстанию 499—494 гг. Поэтому любые данные, относящиеся ко времени после восстановления державы и могущие хотя бы в качестве намека указать на народное движение, должны быть учтены в исследовании и изложении исторического процесса на Востоке на рубеже VI—V вв.

Автор в ходе своей работы над эламскими текстами персепольского архива пришел к выводу, что группа пяти документов №№ 4—8 из публикации Кэмерона² дает нам довольно явственный намек на движение, происходившее в Персиде в самом начале V в. до н. э.

¹ См. акад. В. В. Струве, Восстание в Маргиане при Дарии I, ВДИ, 1949, № 2.

² G. G. Cameron, Persepolis Treasury Tablets, Chicago, 1948 (далее СРТТ). Здесь опубликованы так называемые «таблички сокровищницы» (в дальнейшем — ТТ); характеристику их см.: В. О. Тюрин, Социальное положение kur-taš..., ВДИ, 1951, № 3, стр. 21 сл. По времени составления (492—459 гг. до н. э.) ТТ следуют за так называемыми «табличками крепостной стены» (в дальнейшем — FT), составленными в промежуток времени 510 — 494 гг. до н. э. Таблички этой серии, более разнообразные по содержанию, до сих пор не опубликованы, если не считать четырех-пяти (из общего числа 5000—7000 штук) полных текстов и ряда коротких, часто в одну строч-

Упомянутые документы как по форме, так и по содержанию сообщаемых в них сведений, крайне скудных по сравнению с большими суммами серебра, выданного по ним, заметно выделяются среди всей массы текстов ТТ, приближаясь по ряду признаков к табличкам FT.

1) За исключением первого текста, № 4, в котором из 21-й строки 13 представляют поименный список лиц (единственные данные подобного рода в известных нам текстах персепольского архива), остальные короче обычных текстов табличек ТТ (10—12 строк вместо ± 20).

2) Документы не датированы, в остальных ТТ указаны год и месяц. Зато только здесь назван «Дарий царь» или просто «царь», как в FT; в остальных ТТ указаний на царя нет.

3) Т о л ь к о з д е с ь встречаются: а) выдача платы «маниям» *кур-таш* полностью серебром (№ 7, 8), тогда как повсюду в ТТ плата выдается серебром лишь частично и не во всех случаях, а в табличках FT документируется исключительно выдача в натуре; б) итоговые суммы в круглых каршах и сиклях³; в) вместо обычных: gal. ma — «для (о)платы, для корма», kur-šā-um — «карша», rap-su-kaš — «сикль» — соответственно стоит gal.uk-ku — «сверх платы, сверх корма», kur-šā-am, ki-EL; впрочем, последние два слова встречаются еще дважды, в документах №№ 27 и 83; г) имя писца Дадумани, отсутствующее в дальнейшем (в «соседних» документах — № 1, 2, 3, 3а и 9 писец — Хиширука)⁴; д) тип печати («type 33»), отличный от типа «соседних» документов; е) эламский термин ri-ik-ti (= urastam «помощь» в Бех. надписи); Дарий оказывает «помощь» женщинам, имеющим какое-то отношение к лошадям.

Отметим моменты, сближающие наши документы с текстами FT. Эламский термин kuršim «из рук, руками, в руки...» (в зависимости от контекста, говорящего об обороте материальных ценностей в царском хозяйстве) встречается в текстах ТТ только в связи с именами трех лиц, одно из которых названо в наших документах по должности и, судя по печати на всех этих документах, по имени (*унсак* Артадар) и в дальнейшем не встречается. Зато *курмин* очень часто употребляется в текстах FT, причем число таких текстов составляет 70% всех документов типа памятной записи (Hallock, ук. соч., 245), к каковому типу относятся и наши документы. Далее. Писец «соседних» документов Хиширука выступает в одном из документов FT, 1016 (СРТТ, 96).

Изложенное показывает, что наши документы были составлены, несомненно, раньше прочих «табличек сокровищницы» и лишь позднее были депонированы в архиве персепольской казны вместе с другими документами, фиксировавшими выдачи серебра.

Ключом ко всей этой группе являются первые два текста 4 и 5, выделяющиеся среди всех текстов сокровищницы значительными суммами серебра, выданными «по приказу Дария царя».

Приводим эти тексты в транслитерации Кэмерона и построчном переводе.

ку, выдержек из других. Три полных текста опубликованы Кэмероном: два в указанной выше его работе (стр. 7, прим. 34 и 41), и один в JNES, (I, 1942). Два полных текста приведены у R. T. Hallock, New Light from Persepolis, JNES, IX (1950), 247—248.

³ В ТТ дробные части сикля в большинстве случаев как результат расчета ставок в данаках и ше (см. Т ю р и н, ук. соч., стр. 26 сл.).

⁴ Отождествление Кэмероном имени писца Дадумани с Da-ad-da текста ТТ, 12, убедительно оспаривает J. H a r m a t t a, Elamica II, ALASH, V (1955), 3—4, стр. 282. Гарматта тоже отмечает, хотя и не все, особенности данной группы документов, не останавливаясь, впрочем, на самом содержании последних, поскольку перед ним стояла совершенно другая задача.

ТТ, 4⁵

<1> 5 ME 30 kur-šā-am [KÜ.BABBAR ^{idg}	530 каршей ⁶ , серебро
<2> kur-mīn ^λ un-sa-ak, na	из рук «унсака»:
<3> 60 (MA) ^λ am-mu-uk-ka	60 — Вахауке,
<4> 60 ^λ ab-bat-ra	60 — Абатре,
<5> 60 ^λ mar-ia-kar-šā	60 — Марьякарше,
<6> 60 ^λ an-nu-gi-ru-iš	60 — Анугиришу,
<7> 50 ^λ a-ša-ak-ka	60 — Аджаке,
<8> 50 ^λ maš-da-ia-āš-na	50 — Маздаясне,
<9> 50 ^λ ba-ka-pi-ik-na	50 — Багабигне,
<10> 30 ^λ mi-ud-ra-an-ka	30 — Видранге,
<11> 30 ^λ da-man-bar-na	30 — Дванпарне.
<12> 20 ^λ bar-na-ak-ka	20 — Фарнаку,
<13> 20 ^λ ba-gi-iš-ša	20 — Багидже,
<14> 20 ^λ ba-ka-gi-ia	20 — Багагии,
<15> 20 ^λ bar-ni-iš-ša	20 — Парнидже,
<16> PAB hi ^λ RUH ^{idg} ak-ka-be ^λ	все эти (суммы) — люди, которые
<17> bar-šīp.ḫa-tu-ma ^λ an-	....повсюду в Персиде .....
<18> da-kaš ma a-rāš šā-p	.....
<19> ap du-nu-ka ^λ da-ri	— им даны. Да-
<20> -ia-u iš ^λ sunkir ap	рий царь им
<21> še-ra-iš	приказал (дать).

Комментарии и замечания

Строка <3>. Am-mu-uk-ka. Ср. Бех., 68 в трех версиях. Кэмерон ошибочно сопоставляет Vahauka с греч. Ὠχος; последнее передает перс. Vahuš, не Vahauka, патронимическое от Vahuš. В ТТ, 7 выступает Апиштияш, «сын Вахауки», в ТТ, 1 от 32 г. Дария (490/489) строитель египтянин находится в ведении «шараманы» Ma-u-ka.

<4>. Ab-bat-ra. Ср. инд. abhadra «гибельный, приносящий беду».

<5>. Mar-ia-kar-šā. Это имя встречается и в FT, 6782: Mar-ri-ia-kar-šā (СРТТ, 91). Как лобезно сообщил мне В. И. Абаев, он производит *mary-akarša от marya «молодой воин» и karš- «тащить». осет. хассун, дигор. харсун «нести, везти, уводить», следовательно, «захватывающий воинов», «уводящий воинов».

<6>. An-nu-gi-ru-iš. Сравнение инд. anugiram «на горе, в горах», giriša «обитатель гор, горец» и иран. авест. gaṛaу-, согд. γar^a «гора», заставляет думать, что Анугириш («горец») был, вероятно, индийцем на персидской службе.

<7>. Сходное имя встречается в FT, 7869 (Hallock, ук. соч., 243), где некий Расамада получает для курташ зерно kur-mīn^λ aš-ša-ka-ra.na «из рук Аджакары». В нашем тексте возможно сокращение (в ТТ, 28 и 29 один и тот же писец обозначен и In-da-pi-ša и In-da-pi; сокращенные названия месяцев см. СРТТ, табл. 4). Элам. прилаг. aš-ša-ka «большой»,

⁵ СРТТ, 88—89 и табл. III. Глиняная табличка размером в 51 × 39 × 13 мм хорошей сохранности, хранится в Восточном институте в Чикаго под № 23227.

⁶ Карша, древнеперсидская единица веса, а также денежная единица, равная 10 сиклям. О денежной системе Персиды см. Т у р и ц, ук. соч., стр. 26 сл. О древнеперсидском термине для сикля см. J. H a r m a t t a, Elamica I, ALASH, IV (1954), 3—4, стр. 301 сл.

⁷ Знаком λ мы передаем условно знак , а знаком μ (в дальнейшем) — знак .

«широкий» (о земле) от глагола с базой (h)аš- «увеличивать, делать большим» (ср. Бех., 66) позволяет понимать существительное а-ša-ak-ka-га примерно как «широко(плечий), верзила, детина».

⟨8⟩. Обращает на себя внимание имя Maš-da-ia-āš-na; это обильно засвидетельствованный в Авесте mazdayasna «маздопоклонник». Носитель этого имени в нашем тексте либо был так назван от рождения еще до воцарения Дария, либо в угоду царю, настойчиво выдвигавшему культ Аурамазды, сам присвоил себе это имя; во всяком случае этим подчеркивалась его особая приверженность маздеизму в противоположность daivayasna, почитателям дайвов.

⟨9⟩. Ва-ka-ri-ik-na; имя тождественно с именем отца Видарны, одного из сподвижников Дария в событиях 522—521 гг. (Бех., 68).

⟨10⟩. Mi-ud-ra-an-ka. Имя Видранга носил, например, крупный персидский военачальник в Элефантине⁸, замешанный позднее в событиях, развернувшихся в этом городе в 14 г. Дария II⁹. Слово vidranga может значить «раздирающий тела (врагов)».

⟨12⟩. Var-na-ak-ka. Кэмерон ограничивается здесь только одним замечанием («хорошо известное имя Фарнак»), не сопоставляя его с Var-na-ak-ka FT, 6754. Отцом Фарнабаза, второго по значению персидского полководца в походе Ксеркса на Грецию, был некий Фарнак¹⁰. В FT имя Фарнака встречается не раз. Так, в опубликованном Кэмероном тексте FT, 6754 от 16 г. Дария I (апрель 506 г. до н. э.) некий Var-na-ak-ka предлагает Ариене, судя по содержанию текста, ведающему кошарой овец (^u gi-sa-pat-ti-iš = *gaiθaratis)¹¹ выдать сто овец царской дочери Артистоне; он ссылается при этом на подлинные, приводимые им в этом жераспоряжении слова Дария. Последний, как видно, обращается не прямо к заведующему кошарой, а к Фарнаку, очевидно, начальнику царских стад. Вероятно, этот высокопоставленный слуга Дария, названный в тексте 506 г. и принадлежавший к тому поколению знати, которое действовало с Дарием при его воцарении, и был отцом ксерксова полководца Артабаза, подобно тому как Гобрий, сподвижник Дария, был отцом другого ксерксова полководца Мардония, а наварх Мегабат — отцом наварха Мегабаза (Her., VII, 17). Между 506 (время Фарнака, начальника царских стад) и 480 гг. (время Артабаза, сына Фарнака) проходит время одного поколения: Дарий: Гобрий: Мегабат: Фарнак и Ксеркс: Мардоний: Мегабаз: Артабаз, соответственно сыновья первых четырех.

В FT, 6415 (CPTT, 140) Var-na-ak-ka предлагает некоему Ушайе, «ведающему вином» (GESTIN^{idg}-ku-ti-ra), выдать вино жрецам возлияний (в этой части документ является полной параллелью приведенному выше, где упомянут Ариена, ведающий кошарой). Названный текст датирован 22 г. Дария (500—499).

В FT, 6415 и 7096 Фарнак, сын Аршамы, предлагает (кому — неизвестно: Кэмерон не приводит всего текста) выдать серебро «жрецам, которые в Камаруке, [и которые] пусть совершат (или: совершают) возлияние богам Камаруки» (CPTT, 199); к сожалению, Кэмерон не приводит даты документа. Последний, кстати, показывает выдачи серебра и в документах FT.

Упомянутое во всех этих текстах лицо, дающее распоряжения о выдаче овец, вина, серебра — распоряжения, направляемые заведующим раз-

⁸ gb hila Сиены в 8 г. Дария II — A. H. Sayce — A. E. Cowley, Achaemic Papyri discovered at Assuan, L., 1906, J 37113, 2.

⁹ См. E. Kraeling, The Brooklyn Museum Papyri, New Haven, 1953, 103 сл.

¹⁰ Ἀρτάβαζος ὁ Φαρνάκειος — Her., VII, 66; VIII, 126; IX, 66, 89.

¹¹ W. Hinz в рецензии на R. G. Kent, Old Persian (1950), ZDMG, 102 (NF, 27, 1952), 2, стр. 374, интерпретирует *gaiθ-patis как Vieh-Oberster, Herdenmeister.

личными складами, кошарами и т. п., — является, очевидно, главным «экономом» царя; это действующий в 506—500 гг. Парнакка. В последнем из приведенных документов говорится о печати «Парнакки, сына Аршамы», а в FT 1018 (СРТТ, 52, 43), видимо, тот же Парнакка получает 150 ка муки¹², т. е. 100-дневный рацион. Фарнак, видимо, не прославил себя военными подвигами, как его сын Артабаз.

<14>. Ва-ка-ги-иа встречается в FT, 2934, где значится какая-то выдача некоему Manṣanapaṣi (судя по имени, эламит), согласно приказу за печатью Багагии¹³.

<15>. Ваг-ни-иш-ша встречается в FT, 6663, где значится выдача магу Курке (по предложению Фарнака?) 12 сосудов вина kur-mīn ʾbar-ni-iš-ša.na «рукою Парниджи» (Hallock, ук. соч., 231). К сожалению, и Халлок не приводит дат упомянутых здесь документов.

Таким образом, из 13 имен списка пять¹⁴ — Марьякарша <5>, Аджака <7>, Багагия <14>, Парниджа <15>, Парнакка <12> — уже встречаются даже в тех немногих отрывочных текстах, которые приведены у Кэмерона и Халлока. Носители этих имен занимают важные посты в царском хозяйстве, их печати помещаются на ответственных хозяйственных документах. Можно думать, что публикация большего числа текстов FT даст нам и некоторые другие имена данного списка. Поскольку же ни одно из 13 имен списка не встречается в других текстах сокровищницы, то это еще больше подтверждает высказанное выше положение, что группа документов TT, 4—8 относится по времени их составления к табличкам крепостной стены.

Отметим здесь заодно еще одно имя. В TT, 8 в качестве начальника одной партии *курташ* назван ʾba-ka-ba-da^{GIS} MA^{idg}-ʾgi-ul-li]-ra «Багабата, адмирал». Кэмерон отождествил его с Мегабатом, двоюродным братом Дария I и дариева брата Артаферна, сатрапа Сард¹⁵.

Мегабат командовал персидским флотом в походе на о. Наксос в 499 г.¹⁶

В FT, 7393 (Hallock, ук. соч., 247) некий ʾba-ka-ba-ud-da, Мегабат, берет зерно для выдачи его наемным людям для посева. Если царский брат, адмирал, ведал партией *курташ* (TT, 8), то он мог заниматься и делами посева. Для нас в данной связи существенно, что активная деятельность Мегабата относится ко времени около 500 г., т. е. к тому же времени, когда действовал и Фарнак.

<16>. РАВ — идеограмма итогов. Общая сумма в 530 каршей складывается, таким образом, из отдельных сумм: $60 \times 4 + 50 \times 3 + 30 \times 2 + 20 \times 4$. При расчете одна овца = три сикля выдачи 5300 сиклей выглядит так, как если бы 13 мужам было выдано 1766 овец.

<17> ʾbar-šip ha-tu. ma. Второй и третий знаки возможны и в другой транслитерации: pâr-šip (Папер), pâr-sin (Вейсбах), bar-SIN (Халлок). Транслитерация Кэмерона придает слову форму множ. числа, и оборот в целом переводится Кэмероном словами «среди персов».

Как будет показано ниже, данный перевод не согласуется со сказуемым и дополнением строк 17—18, поэтому и «перевод по смыслу» (kata synesin) всего предложения в целом — 13 мужей «держат» или «владеют» известными заслугами среди персов, «примерно как мы говорим о людях,

¹² Лица, называемые по имени, получают, согласно текстам FT, по 1,5 ка в день — Hallock, ук. соч., стр. 248.

¹³ ʾbja-ka-gi-ia.na — Hallock, ук. соч., стр. 244.

¹⁴ С учетом адмирала Багабаты (см. ниже) — шесть имен.

¹⁵ Названный сатрап упоминается в FT, 3959 — Hallock, ук. соч., стр. 247.

¹⁶ Нег., V, 32—33; сын его Мегабаз был одним из навархов в походе Ксеркса на Грецию — Нег., VII, 97 — а сыновья Мегабазы (внуки Мегабата) занимали в это же время важные посты; их дед Мегабат был, очевидно, уже при Дарии человеком в годах.

владельцев Орденом Конгресса или чем-либо подобным (Congressional Medal or the like)» (СРТТ, 91) — не выражает подлинного смысла этого места документа. Обратимся к рассмотрению оборота.

Сложный послелог *ha-tu.ma*, поскольку ему чаще всего соответствует перс. *antar* «в, внутри, среди», до сих пор переводится эламитологами как одно целое, «по-персидски», хотя *antar* одинаково переводит как *ha-tu.ma*, так и *ma*. Необходимо поэтому установить различие между названными частями речи.

1) Послелог *ma* без сочетания с *hatu/ti* употребляется: а) при пространственных обозначениях: **halmarriš.ma = antar didam* «в крепости» (Бех., 32), **ba-ir-šá hi.ma* «в этом Персеполе» = *anā pārsā* «в Персеполе» (ХР а 3); б) при временных: **be-ul ki.ma = hamahyāyā ʔarda* «в одном (и том же) году» (Бех., 52; 56; 57; 59; 62), *pu-in-ki-te.ma = juamnam, patiy* «в последний день (месяца)» (Бех., 30). В обоих видах обозначений послелог *ma* ставится со словами, означающими единичные «предметы»: одна (эта) крепость, одна эта надпись, один год.

2) Послелог *ma* в сочетании с *hatu*: а) при пространственных обозначениях: **da-a-ia-u-iš hi ha-ti.ma = antar imā dahyava* «в этих странах» (Бех., 8), имеются в виду перечисленные раньше в § 6; [^u] *be-ut hi ha-ti.ma = antar imā hamarāna* «в этих сражениях» (их число, 19, указано в Бех., 52). Здесь *hati.ma* ставится в тех случаях, когда перед нами много предметов, страны, сражения. То же мы видим и б) при временных обозначениях. В ТТ, 69 и 70 большая масса *куртани* получает «плату» вином за 10 **na-an ha-tu.ma* ^dITU^{idg} *kar-ma-ba-taš *be-ul 20-um-me.na* «(за 10) дней месяца гарманда года 20-го»¹⁷. Здесь *hatu* стоит при слове *na-an* «день». Работали 10 дней из 30 дней месяца. Харадкама египтянин, сатапат плотников, работал в Персеполе в «месяце варказана, месяце атриядия...» и т. д.; РАВ 5 ^dITU^{idg} *ha-tu.ma *be-ul. 30-na.ma* «всего 5 месяцев *hatu* в 32 году». Здесь при словах «месяц» и «год» стоит *ma*, но только при слове «месяц» — *hatu*. Харадкама работал не весь год, а только названные в документе пять месяцев из 12. Два человека работают в Персеполе РАВ 12 ^dITU^{idg} *ha-tu.ma* «всего 12 месяцев *hatu*» (6 года Ксеркса — ТТ, 23). Кажется, можно было бы сказать: РАВ **be-ul ki.ma* «всего один год», без употребления *hatu*; к чему оно здесь?

Как видно, работа имеет место в определенном календарном цикле (месяц, год), но заполняет только часть цикла (10 дней месяца, 5 месяцев года, 12 месяцев года!), зато заполняет сплошь, причем «сплошь» заполненная часть, в свою очередь, состоит из определенных единиц времени (день по отношению к месяцу, месяц по отношению к году). Следовательно, употреблением *hatu* при временных определениях подчеркивается тот момент, что каждая единица данной части цикла заполнена известной деятельностью, сам же цикл обозначается посредством *na* или *ma*. Но это же значимо и для пространственных определений. В Бех., 10 говорится, что «ложь в стране (*dahyuvā*) усилилась, и в Персии, и в Мидии, и в других странах (*uta aniyāuvā dahyuvā*)» = элам. *ti-ut-ki-me *da-a-ia-u-iš ha-ti.ma ir-še-ik-ki* [*hu-ud-da... ku-ud-da*] **par-sin ik-ki ku-ud-da *ma-da-be ik-ki ku-ud-da *da-a-ia-u-iš ar-pa da-a-e ha-ti.ma*. Как видно, эламит переводит калькой. В обеих версиях за общим заявлением об усилении лжи в странах (дословно в обеих версиях стоит «страна» — единственное число!) идет перечисление стран: Персия, Мидия и др., причем как в общем заявлении, так и в заключении в эламской версии, помимо ло-

¹⁷ Род. п. *na* при названии месяца может опускаться; он налицо в следующем тексте FT, 6754: ^dITU^{idg} *ha-du-kān-nu-iš.na *be-ul 16-um-me.na* «месяца *адуканиш* года 16-го».

кативного *ma*, стоит *hati*, которое не просто заменяет *ma* (последнее может быть заменено *ik-ki*: *Pārsaiy* (Loc.) = «*par-sin ik-ki*»¹⁸, но подчеркивает: при первом *ha-ti.ma* (к *dahyuva*, ед. ч.) усиление лжи в каждой стране — перечисление «каждой» последует дальше —, при втором *ha-ti.ma* (к *dahyušuva*, мн. ч.) — усиление лжи во всех других, кроме ранее названных Персии и Мидии.

Наконец, последний пример, тождественный с рассматриваемым оборотом *bar-šīp ha-tu.ma*, это Бех., 8, где *antar imā dahyavā* эламит переводит «*da-a-ia-u-iš hi ha-ti.ma*. Здесь (как и в § 7) *hi* указывает на перечисленные уже в § 6 страны. Но он ставит *da-a-ia-u-iš* в единственном числе (в противоположность перс. мн. числу *dahyava*), хотя в § 6 перечислено 23 страны. Ясно, что здесь *hatu*, хотя и несет на себе функции мн. числа, выражает не простое множество (для чего служат *be*, *ip*: *da-a-ia-u-iš-be* — *passim*), а сплошной охват всех отдельных единиц в части некоего высшего целого (или всего этого целого): вспомним перечисленные месяцы в ТТ, 1 — *варказан*, *атриядия* и т. д. — с «итогом» — «все-го столько-то месяцев такого-то года».

Таким образом, *hatu* означает «все, каждый»¹⁹ и в сочетании с локативом *ma* — заполнение действием или деятельностью во всех пунктах какой-то части определенного замкнутого пространства или во всех моментах, относящихся к части определенного временного цикла (а иногда и всего цикла). Послелог *ma* локализует действие в определенном замкнутом пространстве как целом, *hatu* же в сочетании с *ma* объединяет и обобщает отдельные пункты, составляющие в совокупности лишь часть указанного локативом определенного пространства; поэтому *ha-tu.ma* при пространственных обозначениях может быть переведено «повсюду, сплошь» (в пределах названной части целого или даже всего этого целого). Рассмотренный здесь сложный послелог в древнеэламском выступает как *ki-it-tim.ma*; ср. *pi-el ki-it-tim.ma* «в продолжении всего года».

Что касается *bar-šīp*, то в самом персидском слове *pārsa* обозначается одинаково: 1) «Персида» = элам. «*pār-sin* (Бех. и NR а 3), 2) «перс» = элам. «*pār-sir-ra* (Бех., 13; 68), 3) «персидский» = элам. «*pār-sin* (Бех., 11; 12; 14) и 4) «Персеполь» = элам. «*ba-ir-šá* (XP а 3, ТТ *passim*, за исключением ТТ, 23, где «Персеполь» имеет личный детерминатив: «*ba-ir-šá*). За исключением «Персеполя», всюду детерминатив лиц. Да и в списках провинций (Бех., NR а) тот же детерминатив стоит перед названиями стран (как и перед самим словом *da-a-ia-u-iš* «страна»). Эламит, таким образом, называет страны по народам (ср. «путь из варяг в греки»). Кроме того, в NRа 3 названия 24 провинций представляют простые кальки персидских, без обычного эламского показателя множественности *be*, *ap*, *ip*, и все же перед ними стоит детерминатив лиц. Поэтому наличие детерминатива лиц перед словом *bar-šīp* = *pār-sin* в нашем случае отнюдь не является обязательным для перевода слова исключительно как «персы». Тождество нашего оборота с оборотом Бех., 10: *da-a-ia-u-iš ha-ti.ma* «повсюду в стране», «во всей стране» заставляет нас переводить *bar-šīp ha-tu.ma* как «повсюду в Персиде», т. е. сплошь, в каждом ее пункте, где проживает *bar-šīp* «персидщина» («персы»)²⁰.

¹⁸ Ср. также Бех., 70: «*tup-ri-me da-a-e ik-ki hu-ud-da har-ri-ia.ma* «(эту мою) надпись в другом (=другой) я сделал, на (языке) арья».

¹⁹ В отличие от *un-ra* «каждый в отдельности».

²⁰ Прекрасный пример, иллюстрирующий высказанные выше положения, представляет текст ТТ, 9, сткк. 5—8 (с восстановлениями Кемерона): «*mu-šir-ri-i[a-ip] «HAR^{idg} še-iš-ki-ip] «m[u-šir-ri-ia]. an.mar «ba-ir-šá-i[š šī-nu-ip] «HAR^{idg} hu-ut-ti-ip] «i-ia-an («курташ) «египтя (не по камню) «умельцы из «Е[гипта] в «Парс[у прибывшие].*

В контексте целого предложения данный перевод означает не «люди, которые среди персов» чем-то отличились (как у Кэмерона, который затрудняется поэтому перевести дальнейший оборот $\lambda an-da-kaš ma-a-rāš-šā-ip$), или «которые в Персиде», а «люди, которые повсюду в Персиде» имели какое-то дело с какими-то $\lambda an-da-kaš$ (личный детерминатив! — по едва ли перед названием страны).

<17—18>. Обороту $\lambda an-da-kaš ma-a-rāš-šā-ip$ в следующем документе (стк. <8>) соответствует $mar-ri-iš an-da-kaš$.

ТТ,5²¹

<1> 9 ME 4 kur-šā-am KU.BABBAR	904 карши, серебро,
<2> ^{idg} kur-mín $\lambda un-sa-$	из рук «унса-
<3> ak.na $\lambda kam-ba-ti-$	ка» . . . . .
<4> ia-ip ^u bar-mi-iš-ša-	. . . . (местности) Парми-
<5> an $\lambda sad-du-mi-iš$	джа — Саддумиш (их)
<6> šā-ra-man-na ak-ka-	начальник —, кото-
<7> be ^u mar-sa-iš-kaš	рые (в местности) Марсашка
<8> mar-ri-iš an-da-kaš	. . . . .
<9> ap du-nu-ka $\lambda da-$	им дано. Да-
<10> ri-ia-u-iš ¹ še ¹ -rāš-da	рий приказал (дать);
<11> un-ra λRUH ^{idg} ki-ir.	каждому человеку одно-
<12> na 8 kur-šā-am	му 8 каршей

Комментарии и замечания

Строка <1> и <3> — сумму в 904 карши получили (904 : 8) 113 человек, именуемых в строке третьей $\lambda kam-ba-ti-ia-ip$ (мн.ч.). Кэмерон восстанавливает здесь перс. *gaupati со значением «хозяин скота», «пастух (крупного рогатого) скота, коров» (cattle master, cowherdsman). Однако в замечаниях к тексту и в переводе (в последнем, впрочем, под знаком вопроса) он принимает второе значение, «пастух». Индийский язык развил два ряда слов для обозначения двух социальных категорий: с одной стороны, для хозяина скота gōpati, gomin, gaviśvara, gavendra . . . , с другой — для пастуха: gorā, gorakṣa, gopala и ряд других²².

В персидском такое разграничение как будто не наблюдается: $\lambda kur-taš UDU. NITĀ$ ^{idg} ba-te-ip в ТТ, 50 и 61 (при UDU.NITĀ «овца, баран» = перс. *раду²³) являются *радуpati «овчарами», пасущими царских овец, а ru-hu-ka-ra-bat-ti-iš (ТТ, 47 и 58) — *хагаpati «погонщиками ослов», принадлежащих царскому вису. Но это не значит, что в персидском об-

²¹ Камень λ обдѣлывавшие в ^uколонном зале». Здесь перед словами «Парса», «колонный зал», «камень» стоит детерминатив мест, но перед названиями профессий и словом «Египет» — детерминатив лиц. Характерно, что и Геродот, и Ктесий при обозначении территории Персии одинаково употребляют слово «перс» во мн. числе: ἐν Πέρσῃσι — досл. «в Персах» (подобно тому как у нас в XVI в. говорили «в Грекѣх» = в Греции) (Her., VI, 24); ἐκ Περσέων «из Персии» (Her., III, 30), ἐς Πέρσας «в Персию» (там же) = εἰς Πέρσας (Ctes., Persica, 9). Выходит, что названные историки выражаются «по-эламски»: ἐς Πέρσας, напр., есть точный перевод эламского ^upar-sin (bar-šir) ik-ki. Между тем, в ахеменидских надписях rāsa при всех указанных выше значениях всегда стоит в ед. числе. Поэтому для перевода bar-šir здесь употреблено слово в ед. числе, «персидчина».

²² СРТТ, 92 и табл. IV. Глиняная табличка размером в 45 × 36 × 18 мм хорошей сохранности, хранится в Восточном институте в Чикаго под № 23303.

²³ Ср. в параллель к этому инд. gṛhāpati «хозяин дома» и gṛhā «сторож дома».

²³ О восстановлении *раду см. N a r m a t t a, Elamica I, стр. 306—307.

ществе не было независимых персов, являвшихся собственниками овец и мулов. Поэтому и *gaupati могли быть не только пастухами крупного рогатого скота, но и хозяевами его. И последнее даже более вероятно. Овцы и козы — достояние бедняка, крупный рогатый скот, лошади, верблюды — имущество богачей, «гоматов», «виштасп», «фрапуштр»²⁴. По Геродоту, богатые персы в день рождения жарят целиком быка, лошадь, верблюда, осла, бедняки же довольствуются мелким скотом, овцой или козой (I, 133). Поэтому мы должны видеть в *gaupati, особенно в сравнении с инд. gópati, скорее «хозяина скота», чем просто «пастуха».

Однако здесь восстанавливается не просто *gaupati, так как вторая часть слова во мн. ч., -patayā, была бы передана в эламском -ba-da-ia-ip или ba-te-ia-ip с передачей перс. сочетания -aya-. Или это было бы передано -ba-te-ip (как в ТТ, 50 и 61), или -bat-ti-is-be («дасанаты» — десятки в ТТ, 15) с элам. показателями множественности ip и be. Уже Р. Лаба²⁵ сделал некоторые верные замечания о передачах персидского pati, но не обратил внимания на наличие в нашем случае суффикса iya, отличающего рассматриваемое слово от всех других составных с pati, в силу чего элам. kam-ba-ti-ia-ip передает *gaupatiya. Наличие суффикса принял во внимание Гершевич²⁶, придавший, однако, слову другое значение: это не обычный пастух (cowman), а название (a title) «лица, подчиненного гопату». В связи с этим привлекается «сехл. gopat, титул главы в Согдиане»²⁷.

Изложив затем собственные соображения относительно основы gaw-, Гершевич связывает, вслед за Марквартом, авест. gava с Gāza Страбона²⁸, последнее же, в свою очередь, вслед за Шедером, с др.-перс. plur. *gava, как названием округа, «что могло бы дать мн. число от этнического *gava, происшедшего из *gav-»; «... kam-ba-ti-ia-ip = *gaupatiya, — говорит он в заключение, — были должностными лицами (officials), подчиненными главе *gav-'ы», а встречающиеся в этой табличке местности следует искать в направлении Исфохана. Основанием всех построений Гершевича является постулируемое им *gawa (в простой форме *gaw с значением «поселение») при отождествлении его с авест. Gava.

Как ни соблазнительна гипотеза персидского двойника согдийского «гопата»²⁹, от нее все же приходится отказаться. Уже В. Хеннинг, замечания которого относительно Gāza Гершевич приводит в заключение своей рецензии (Addendum, 144), показал, что др.-иранской формой Gāza было не *gawa, а *Gava, последнее же не может отождествляться с авест. Gava, если исключить предположение, что Gava написано вместо *Gawa. Что касается kam-ba-ti-ia, то оно, по Хеннингу, может передавать др.-перс. *gaubaḍiya «„speaker“ (ср. xšāyaḍiya „ruler“). «Его должность (office) могла быть сходной с таковою сасанидского yatak gōv». Относительно *gaubaḍiya следует заметить, что эламское ti передает только перс. ti и di (Ir-du-mar-ti-ia — «Артавардия», Ja-ú-ti-ia — «Яутия»). Примеры передачи перс. ʔи не встречаются. Да и 113 «говорунов» или «представителей», награжденных царем, не подходят к контексту нашего документа.

²⁴ Ср. инд. *gaupatyam «имущество, состоящее из крупного рогатого скота».

²⁵ R. Labat, Rec.: «Bibliotheca Orientalis», VII, 1950, 92.

²⁶ I. Gershevitch, рец. на публикацию Кэмерона, «Asia Maior», N. S., II (1951), 1, стр. 137 сл.

²⁷ По Bailey, на которого ссылается Гершевич, — «lord of the gava(s)» («лорд деревни(ень) или стоянки(ок) скота».

²⁸ Округ ахеменидской Персии, Исфохан.

²⁹ Образы и представления, связанные с последним, рассматриваются в ст. К. В. Тревер, Гопатшах — пастух-царь, ТОВЭ, II (1940), стр. 71—86.

Позднее к термину *kam-ba-ti-ia* обратился Бенвенист³⁰. Перевод Кэмерона «хозяин скота, пастух» он считает маловероятным и пытается привлечь *gw(?)* в одном из папирусов у Крелинга (12, 25), где этим словом обозначена женщина, судя по контексту, служанка. Бенвенист ставит вопрос, не употреблялось ли *gw* и для мужчины. «Если бы так, то в иран. было бы **gav(a)* — почти „слуга, раб“» (309). Данная догадка является слишком слабым основанием для того, чтобы объяснить до конца наш термин, тем более что и Бенвенист отвлекается от суффикса *ia*.

Для уяснения нашего термина существенно распознать роль этого суффикса в образовании подобного рода производных слов. В приложении к отношениям между людьми слова с *ia* выражают принадлежность индивида или группы их к более высшей общности: племени и народности, роду и общине, большой и малой семье (патронимические слова), варне и касте, какому-либо сообществу, наконец, божеству (как в Индии; реально — храму божества).

В нашем случае *gaupatiya предполагает общественную группу *gaupata (по форме прилагательное из **gaupati*³¹), подобно авест. *vəzəzəna* «община»: *vəzəzənuya* «общинник» (ведич. *vṛjāna: vṛjānīya* «община, живущая в определенной местности»), а также *vāstra* «общинное пастбище»: *vāstrya* «пастух (как общинник)», в отличие от «технологического» *vāstar* «пастух». Надо полагать, что и *gaupatiya есть обозначение принадлежности, если не к общине в целом, подобно *vəzəzənuya* (персидский, видимо, имел свои термины для общинника, возможные *viθ и *vaiθya, как инд. *viś* и *vaiśya*), то к значительной общественной группе *gaupatiyā — «скотовладык», являющихся членами общин и составляющих, быть может, верхушку последних. Они приближаются к тем *εὐδαίμονες* Геродота, которые располагают крупным рогатым скотом в противоположность тем *πένυρτες*, у которых имеется только мелкий скот. Таким образом, *kam-ba-ti-ia-ir = *gaupatiyā означает «людей» из *gaupata, общественной группы хозяев крупного рогатого скота. Они могут соответствовать тем из *pnāporatī* «домовладык» Авесты, которые упоминаются ею в качестве вторых по рангу, по сравнению с домовладыками из аристократии.

По-видимому, один из таких *gaupatiya* выступает перед нами в ТТ, 85, документе, написанном, как полагает Кэмерон, в Вавилонии и относящемся к 20 г. Дария. Значащийся здесь *Pa-at-te(?)mi-du^{amel}ma-da-a^{amel}mār gi-²a-^{1a}(?)¹* «Паттемида мидянин, сын пастуха» вносит за 19 и 20 годы податное серебро трех сортов в сумму около $\frac{3}{4}$ таланта. Паттемида определен, видимо, как по племенной, так и по социальной своей принадлежности. *Mār gi-²a-a* представляется здесь переводом перс. **gaupatiya*³².

Мегасфен, рисуя картину индийского общества своего времени (нач. III в. до н. э.), перечисляет семь «классов населения», из которых соб-

³⁰ E. Benveniste, *Éléments perses en araméen d'Égypte*, JA, CCXLII (1954), 3—4, 308—309.

³¹ Но *gaupatiya возможно и прямо из *gaupati, как показывает текст ТТ, 53; здесь *курташ* местности *ka-bar-ar-iš = *Хафрп (нын. Хафр, по Кэмерону) работают под началом Напиджп «сатанага» *ka-bar-ar-ia-iš = *хафрпйа* «хафровца, из Хафра». Текст 3707 (H al l o s k, ук. соч., 247) дает *ma-rār-pi-ia-iš, что следует отождествить с *μαράριος* (Her., I, 125; ср. Steph. Byz., s. v. *Μαράριος: ἀπὸ τοῦ Μαράριου βασιλέως*) и что предполагает *ma-rār-pi-iš, ср. *Μαράρις* Эсхила (Persae, 778).

³² В мире древнего Двуречья общественная и профессиональная принадлежность, как и личная зависимость, обозначалась, напр. у вавилонян, постановкой слова *mār* перед названием общественной группы: *mār ummanī* «ремесленник», *mār išparī* «ткач», *mār širpī* «посланец», *mār šarri* «сын (или человек, зависимый от) царя».

ственно производительными являются: 1) земледельцы, как «класс населения наиболее многочисленный и честный», 2) пастухи и охотники («им одним дозволяется охотиться и пасти скот») и 3) ремесленники, в том числе мастера оружия и кораблестроители, работающие только на царя. При этом «никто не может вступать в брак с лицом, принадлежащим к другому классу, никто не может менять своего занятия или ремесла на какое-нибудь другое»³³. Перед нами здесь не простое «технологическое» разделение труда в обществе, но основанные на нем общественные группировки, фиксированные законом. Для нас важно в данном случае то, что «класс» пастухов по сравнению с земледельцами выступает как особая общественная группа³⁴.

В заключение данного изыскания о «гаупатиях» заметим, что в сткк. <4—5> гаупатии обозначены еще и по своей локальной принадлежности к *ḥar-mi-iš-ša.an*. О локализации этого пункта см. ниже.

<7>. *ḥar-sa-iš-kaš*. Здесь совершаются действия, за которые «гаупатии» получают щедрую награду. Марсашка не раз встречается в хозяйственных текстах Персеполья. ТТ, 81 представляет список лиц из разных пунктов Персиды. Цель составления списка неясна (документ, к сожалению, испорчен). Общее число лиц «200 без 1», т. е. 199. Из этого числа почти половина, 87 чел., приходится на Марсашку. Кэмерон (РТТ, 92) упоминает текст FT, 5466,4, в котором, «оплачиваются» «workmen (очевидно, *kurtaš*. — В. Т.) царя, добывающие плату в Марсашке». В FT, 6663 (Hallock, ук. соч., 239) упоминается маг Курга, получивший из рук Парниджи (ср. ТТ, 4, 15) 120 *ka* вина для возлияний в Марсашке. Очевидно, это был какой-то значительный населенный пункт, куда были направлены «гаупатии» округа Пармиджи. Кэмерон полагает, что обе местности лежали неподалеку друг от друга. Предлагаемая им локализация Пармиджи представляется ему самому сомнительной. Что касается Марсашки, то ее, по Кэмерону, может представлять «современный Mazījan, араб. *Muraizigān*, в равнине Беванат, примерно в 140 милях на северо-запад от *Pariz*» (возможной Пармиджи), находящегося в 135 км на юго-запад от Кирмана. *Mazījan* расположен на расстоянии около 40 миль от Пасаргад (СРТТ, 92).

<8>. Действия, совершенные «гаупатиями», обозначены словами *ḥar-ri-iš an-da-kaš*. Этот же оборот, с перестановкой слов и с некоторым отличием глагольной формы сказуемого, уже встречался в первом тексте <17—18>.

ḥar-ri-iš. Эламская глагольная база *ḥar-* достаточно засвидетельствована в Бех. с двумя основными значениями. 1) *ḥar-* «держать»: предмет в руках (напр., колчан со стрелами), человека; «занимать» (берег реки); «владеть» (царством, странами, каким-либо искусством — в ТТ в существ. мн. ч. *ḥar-ri-ir* «умельцы, мастера»³⁵). Это значение соответствует перс. *dār-*. 2) *ḥar-* «овладеть, взять силой, захватить»: пленить человека — в Бех. в обстановке военных действий, при преследовании врага с конечным

³³ Strabo, XV, I, 40—51, перев. Ф. Г. Мищенко.

³⁴ Э. А. Грантовский обратил мое внимание на те места в *Ardā Virāf Nāmak* (гл. гл. XIV и XV), где также упоминаются общественные группы *vāstryōšān* «земледельцы», *huluxsākān* «ремесленники» и *šupānān* «пастухи».

³⁵ Иначе W. Hinz, *The Elamite Version of the Record of Darius's Palace at Susa*, JNES, XI (1950), 1, стр. 6 и П. М. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 324, прим. 3, который полностью следует здесь за Хинцем. Однако ср. эламский оборот *kurta(š) ḥarriḥ misbašāna* (ТТ, 79, от 5 г. Артаксеркса I) с тождественным ему арамейским оборотом *ḡrd ḥmn wšpzn* «*ḡrda* мастера разного рода (разных специальностей)» (G. R. Driver, *Aramaic Documents of the Fifth Century B. C.*, Oxf., 1954, док. № VII, сткк. 2—3. У Драйвера *wšpzn* — «of various races»). Аргументация перевода «разного рода (разных специальностей)» будет изложена в другом месте.

результатом захвата его; «захватить» (город, страну); «овладеть» (властью). Это значение соответствует перс. *garb-*.

В рассматриваемых текстах легко выделяются простые предложения («абсолютивы»): ТТ, 4 — 13 ^λRUH ak-ka-be. ^λan-da-kaš ma-a-rāš-šā-ir «люди, которые...»; ТТ, 5 — 113 ^λkam-ba-ti-ia-ir. ak-ka-be. mar-ri-iš an-da-kaš «гаупатии, которые...». Во втором тексте сказуемое *mar-ri-iš* имеет дополнение *an-da-kaš*. Этим определяется конкретное, однозначное для данного контекста значение *mar-ri-iš*. Перед *an-da-kaš* первого текста стоит личный детерминатив. Мы можем поэтому взять пока слово прямого дополнения — в условном переводе «андаки» — во множественном числе, поскольку действие 113 «гаупатиев» направлено, разумеется, не на одного «андака». Так как награда уже получена ими, то их действия, обозначаемые словом с глагольной базой *mar-*, уже завершились; они не «держат» (*mar-1*) «андаков»³⁶, они, «гаупатии» уже «задержали, овладели, захватили» «андаков» (*mar-2*). Кэмерон, не проводя различия между двумя значениями *mar-*, принимает фактически только одно (*mar-1*). Поэтому он вынужден признаться, что «не в состоянии найти удовлетворительное объяснение для *an-da-kaš*, которые (один раз с „личным детерминативом“) могли бы быть „держимы“ или „схвачены“» (РТТ, 90). Гершевич (ук. рец., 137) также останавливается в недоумении: «*holding(?) an-da-kaš*».

Кэмерон, оставляя *an-da-kaš* без перевода, все же пытается представить себе «держание»: «два трудных слова в строке 17—18 текста (стр. 8, № 5) могут... иметь отношение к тому факту, что перечисленные лица „имеют“ или „владеют“ известными достоинствами, заслугами или благодеяниями среди персов, примерно как мы говорим о людях, „имеющих“ или „владеющих“ Орденом Конгресса или чем-либо подобным» (там же). Однако л и ч н ы й детерминатив не позволяет все же «держать» вещь, а действие, направленное на «андаков», обозначается как раз тем самым словом, которое повсюду в Бех. употребляется для обозначения схватывания людей в обстановке военных действий и при преследовании врага.

Различия форм *mar-ri-iš* и *ma-a-rāš-šā-ir* при одинаковой глагольной базе связаны, по-видимому (ср. особенно в Бех., 47; 53), с тем фактом, что, когда речь идет о лицах, совершающих непосредственную операцию пленения, в эламской версии появляется слово, в котором выступает первоначальная глагольная база *mar-*, как во втором документе, где «гаупатии» *mar-ri-iš* «андаков»; когда же перед нами лица, по повелению которых данная акция совершается через посредство других лиц, то появляется слово, в котором глагольная база претерпевает изменения, вместо *mar-* выступает *maug/шаар-*, что мы и имеем в *ma-a-rāš-šā-ir*, относящемся к 13 мужам, получившим самые большие награды и игравшим, несомненно, роль, отличную от непосредственного захватывания «андаков». Форма *ma-a-rāš-šā-ir* представляет, по-видимому, «гибридную» форму причастия-существительного в функции глагола со значением примерно «возглавлявшие/возглавители пленения». Если непосредственный пленитель есть *mar-ri-га*, то лицо, велением которого другое становится пленителем, оказывается *ma-a-rāš-šā-га, «виновник пленения».

an-da-kaš. Перед этим словом, как и перед награжденными, стоит (по крайней мере в ТТ, 4) детерминатив лиц, чем, как было замечено, исключается возможность истолкования слова как вещи. «Андаки» не заслужили показателя множественности *be*, хотя их, несомненно, много. В этом

³⁶ Простое держание, напр. под стражей, едва ли требовало таких расходов, и содержание преступников проводилось обычным, давно уже установившимся в стране порядком.

отношении данное слово как будто сходно с *курташ*, которому всегда предшествует личный детерминатив, но которое не имеет показателя множественности. Впрочем, последние все же находят себе выражение в определениях к *курташ*, часто отстоящих далеко от самого определяемого. Наши же «андаки» взяты без какого-либо определения и все же выступают без *be*. Перед нами слово как будто собирательного значения.

Является ли термин эламским? Кэмерон приводит элам. *an-du-uk-ni*, дважды встречающееся в надписи одного эламского царя, «но, — говорит он, — оно по форме опатив с неизвестным значением» (РТТ, 90). Однако если бы значение его и было известно, оно едва ли объяснило бы *an-da-kaš*. Оставив в стороне опатив *ni*, получаем *an-du-uk*, вероятную обычную альтернативу в грамматически различающихся формах с одной базой (типа *hu-ut-tuk*: *hu-ut-tuk-ka* «сделанный»), — словах, стоящих всегда без личного детерминатива. Это позволяет для *d* в *a* ж д *y* засвидетельствованного элам. *an-du-uk-ni* реконструировать *an-du-uk-ka, явно отличное от *d* в *a* ж д *y* засвидетельствованного *an-da-kaš*; поэтому мы можем оставить его в стороне. Ничего не может дать и *An-da-da-be в четырех документах из Суз, изданных Шейлем (MDP, IX, № 103; 160; 36; 16) — наименование части округа, находящегося явно за пределами Персиды.

Что касается *an-da-kaš*, то в качестве эламского оно выглядело бы как *an-da-ka* и по своей форме относилось бы к разряду того значительного числа слов, которые обозначают объекты действия, приобретшие в результате воздействия на них известное состояние (условно «причастия perfecti passivi»); это серия хорошо известных эламских слов с окончанием на *ka*: *du-ka* «взятый, -ое», *du-ni-ka* «(выд)анный», *gab-ba-ka* «священный, в оковах» и т. д. Перед ними никогда не ставится личного детерминатива, и они не имеют конечного *š* тогда как наше *an-da-kaš имеет и то, и другое. Очевидно, что *an-da-kaš к этой категории не относится.

Остается видеть в нем передачу персидского *andaka. Это тем более так, что ряд персидских слов с окончанием на *ka* — ряд, правда, ограниченный, — передается с эламским *ka*, без окончания *š*, и часто имеет детерминатив *ni*. Сюда относятся именны слова: *avika* = элам. *ha-gi-ik-ka*..., собственные имена: *Kur-ka *mag*, *Ma-uk-ka = *Baxauka*, названия стран: *Zranka* = *Siranka.

Однако *andaka входит в другой более обширный ряд персидских слов, передаваемых в эламском с конечным *š*. Это слова с суффиксом *ka*, засвидетельствованные как в др.-перс. текстах и у античных писателей, так и в текстах Персеполи в эламском обличьи: *arapiyaka*, *arika*, *arštika*, *anguraka, *karnuvaka*, *danaka (δανῶκη), *niyāka*, *paṭuka, *bandaka*, *mārika*, *vazarka*, ἄνῶκη (Геродот), ῥανῶκη (Геродот), ῥανῶκη (Ктесий)³⁷.

Так как эламский клинописный слоговой знак *da* передает без различия персидские *da* и *ta* (причем персидское клинописное *da* в свою очередь скрывает различия *da* и *dha*), то мы можем самому эламскому написанию дать и иную транслитерацию, не *an-da-kaš*, а *an-ta-kaš(s)*.

Что может дать этимология слова?

Ввиду того, что на почве индоиранского только др.-индийский дает

³⁷ Вопрос о том, почему тематические на «а» принимают в эламской передаче окончание *š*, которое Кэмерон считает «эламским», не может быть рассмотрен в рамках данной статьи. Автор надеется в другом месте показать, что «эламское *š*» передавало др.-перс. *s* (*š* перед *sa*, *siy*), как окончание тематических на «а» в имен. падеже (*aš* = инд. *añ*), как фонему, реально существовавшую в эпоху, когда эламиты впервые начали передавать персидскую речь средствами своего письма, сохраняя этот модус и тогда, когда эта фонема в персидском была уже утрачена или в значительной мере редуцирована.

такую лексику, как *antaka*, *andhaka*, мы по необходимости должны обратиться в первую очередь к нему.

А) *ánta* м. 1) «граница, конец, край» (противоположность — *mádhya* н. «середина»), в частности «край ткани, кайма»; «конец жизни»; «исход, развязка». В готском *and-s* м. «граница» и *andi* н. «Ende»³⁸. Образования с *ka* дают: а) *antaká* м. «кайма, край» и б) *ántaka* прилаг. «готовящий кончипу, причиняющий смерть», существ. «*der Endmacher*, смерть»³⁹. Ср. далее прилагательные: *antakara* — «смерть причиняющий» и *antakarana*; 2) «непосредственная близость» (противоположность — *paṭākā* «даль»). Сравнительная и превосходная степени прилагательных: *ántara* «более близкий, очень дружественный» и *ántama* «самый близкий, самый дружественный».

Относительно осет. *œndag* В. И. Абаев любезно сообщил автору следующее. «Осет. *œndag*, несомненно, восходит к *antaka. Из тех значений, которые *anta*- имело в ведийском и санскрите, осетинский удержал только то, которое связано с противопоставлением *anta* — *madhya*. *œndag* может применяться и к людям и к вещам в смысле „находящийся снаружи, вне внутреннего круга, образующего *medœg*“. Производное *œndagon* может значить „посторонний“, но не „враг“. Осет. *œndag* близко, таким образом, к санскр. 1 *antaká*.

Следует заметить далее, что, согласно индийским лексикографам и грамматикам, *ánta* значит «часть, доля», «решение, намерение» и как прилаг. «близкий». Соотносительные понятия целого и части более конкретны по отношению к категориям большого и малого; поэтому сюда следует отнести для сравнения ср.-перс. (пехл.) *andk* нар. «мало», н.-перс. *ándāk* «немного, мало», таджик. 1) «немного, мало; чуть-чуть; слегка»; 2) «незначительный, небольшой», курд. *hândêk* «немного», все, очевидно, восходящие к значению *anta* «часть, доля». Те же лексикографы дают и *antyaka* прил. «в конце находящийся, последний», «самый низший, самый низкий и презренный», а также и существ. м. и ж. *antyakā* «мужчина (женщина) самой низшей касты».

Перед нами прошел ряд значений, восходящих к *anta* и одинаково приложимых, как кажется, к нашему контексту.

*Antaka- в др.-перс. могло значить: 1) «(человек) малой доли» (иранские озвонченные *andk* и др. с значением «мало», инд. *ánta* с значением «доля» — с уменьшительным суффиксом *ka**antaka «малая доля»). В Шумере во времена Урнамму богатые и бедные обозначались как «люди мины» и «люди сикля» (Кодекс Урнамму, стб. IV). В таком случае «антаки» были малоимущими и не имущими людьми и слово «антак» могло иметь презрительно-уничижающий смысл вроде «голытьба», «голяки». При случае, «антаки» могли и принять для себя это имя, подобно *gēzam* и санкюлотам; 2) «близкий» (ведическое и санскр. *ánta* с значением «близкий» — образованное с *ka* существительное *antaka, почти равное *ántama* «самый близкий, самый дружественный»). Так могли называть себя те, против кого направлялись враждебные действия по «захватыванию» и кто должен был обороняться, очевидно, после неудачного (?) с их стороны наступления. В таком случае наш документ называет их так в иронически-презрительном смысле; 3) «находящийся снаружи, за краем», «посторонний» (осет. *œndag* и *œndagon* — см. выше и *ántaká* 1 «край»). Едва ли это означало, что «антаки» — люди, проживающие на краю или за пределами Персиды: ведь их захватывали «повсюду в Персиде». Скорее они были названы так Дарием как изгои «персидщины», «посторонние» ей, чужаки; 4) «готовящий смерть».

³⁸ Об осет. *œndag* см. ниже замечания В. И. Абаева.

³⁹ *antaka.drúh* «чудовище (демон) смерти».

убийца» (инд. 2 *ántaka* «причиняющий смерть, приканчивающий»), вполне понятное для контекста значение.

Размах значений велик, от близкого до постороннего, от самого дружественного до причиняющего смерть. Это не должно нас удивлять, в индийском, напр., *dvitīya* и «спутник, товарищ, друг» и «враг». Ближкие друг другу «антаки» могли быть причиняющими смерть «антаками». Характерно, что вероятные значения слова имеют свои синонимы в др.-перс., и поэтому возникает вопрос, почему выбрано именно это многозначное слово. Если антаки малоимущие, то почему они не *skaudaṃ* или *śakaṃgaṃ* «слабые, бедняки». Если они заговорщики или мятежники, то почему не *hamīdriya*, как назван и народ, восставший в Маргиане. Если убийцы, то почему не *jatāra*. Вероятно потому, что при необходимости обозначить людей, опасность которых, очевидно, была особенно велика, было избрано такое слово, которое имело много значений. Если «антаки» назвали себя «близкими», «друзьями», то их враги придавали слову другие, прощические и презрительно-уничтожающие значения. Отметим в этой связи и инд. *andhā* прилаг. «слепой», в конце составных «ослепленный, омраченный, опьяненный»⁴⁰. Образованное отсюда *andhaka* прилаг. «слепой» в качестве существительного встречается в виде собственных имен, обозначая во мн. числе род носителей этого имени. Это слово в его прямом значении явно не подходит к контексту наших документов. Возможно только переносное значение, какое мы видим в составных с *-andha*, «омраченный, ослепленный» (каким-либо аффектом), и «антаки» были названы так официально с намерением показать, что они чего-то не видят, «слепы».

Разумеется, впредь до открытия каких-либо новых данных, которые показали бы действительное значение термина, мы вынуждены считаться с приведенными здесь как наиболее вероятными. Решающим же в истолковании наших документов будет «реальный» контекст, т. е. та общественно-политическая обстановка, которую мы сможем воссоздать в сочетании с другими данными.

Приведем теперь остальные три текста из интересующих нас документов.

ТТ, 6

<1> 1 ME MA 5 kur-śā-	165 кар-
<2> am KÜ. BABBAR ^{1dg} kur-mīn ^λ	шей, серебро из рук
<3> un-sa-ak.na MUNUS ^{1dg}	«унсака» — женщины,
<4> ANŠU.[KUR.] (RAI ^{1dg?} MUNUS	(занятые уходом за ?) лошадь(ми)
<5> 'ab'-ba-ak-iš.na ^λ	женщины Апакиш,
<6> 'ap'-pi-ši-'ia-ti iš	Апишиятш
<7> śī-ra-man-na du-iš-	(их) начальник,—полу-
<8> da pi-ik-ti	чили (как) <i>пикти</i> -помощь;
<9> sunkir ap śi(!)-raš-	царь им прика-
<10> da 'da-du-man-ia tal-li-iš	зал (дать). Дадумания написал.

Замечания

Получившие «помощь» женщины поставлены здесь в какую-то связь с лошадьми некоей Апакиш. В переводе принято условно, вслед за Кэмероном, что они заняты уходом за лошадьми. Если Апакиш — владелица лошадей (быть может, вдова богатого перса-коневода), почему же «помощь» ее табунщицам оказывает не она, а царь? К тому же над группой табунщиц поставлен некий Апишиятш, который с определением «сын Вахауки» и в той же должности «шараманы» значителен начальником партии *курташ* в следующем документе № 7. Ясно, что он поставлен царем и над *курташ*

⁴⁰ Ср. авест. *andhāsa* — вин. п. мн. ч. «и слепых» — Яшт, V, 93.

и над женщинами Апакиш. Под его командой последние совершили что-то, о чем документ не говорит, и получили не *галь*, обычную «плату»-корм, за обычный «уход за лошадьми», а дар, названный помощью. Какова здесь роль Апакиш, если она не начальник и отнюдь, надо думать, не владелица лошадей? Очевидно, роль какого-то эпонима д а н и о г о отряда табуниц, который она обычно возглавляет, но который почему-то теперь перешел под начальство Апишиятиша.

Отряд женщин получил круглую сумму в 165 каршей (не сиклей!) так же как и в док. ТТ, 5, где «каждый» «гаупатия» получил по 8 каршей, что и дало возможность узнать их число. Числа же табуниц мы не знаем. Но сумма в каршах, за какой бы срок она ни выдавалась, может получиться лишь в результате выдачи целых чисел каршей. Выдачи в дробях карши, т. е. в сиклях, опять-таки целых, неизбежно дали бы в итоге сикли, если только не предположить, что число женщин было кратно десяти, что могло быть только делом случая. Числа каршей от единицы и выше, до предела выдачи «гаупатиям» (8 каршей), с интервалами в полкаршу дают только следующие числа женщин:

При 1 карше — 165 чел.	при 3 каршах — 55 чел.
» 1,5 карша — 110 »	» 5 » — 33 »
» 2,5 каршах — 66 »	» 7,5 » — 22 »

Остальные числа карш, целые и с коэффициентом 0,5 дают числа женщин с дробями самых различных видов: 82,5 женщины; 47,142; 25,3, что исключает, например, предположение о наличии здесь малолетних девочек-табуниц, тогда как во всех женских по составу партиях подростки-девушки всегда налицо. При этом наблюдается только один случай числа женщины, кратного десяти (110 чел.), когда выдача по одному сиклю дала бы круглые карши (однако только 11 карш, не 165; то же при некоторых других, редких, впрочем, комбинациях, но с тем же результатом). Но дело даже не в этом, и утверждать, что табуниц было 110, мы не можем. Тем не менее этот случай дает нам прямо то отношение, которое можно косвенно вывести в других, именно: деление всей партии на группы по десять плюс единица— $110 = 100 + 10$; $165 = 150 + 15$; $66 = 60 + 6$. Таким образом, не зная общего числа табуниц, мы знаем теперь, по крайней мере, одно: партия исключительно взрослых женщин нашего документа делилась на десятки с «дасапатни» «десятиницей» во главе.

Если к суммам, полученным 13 «оросангами» и 113 «гаупатиями», прибавим сумму, полученную табуницами, то получим «совершенно» круглую сумму в $(530 + 904 + 165) = 1599$ каршей; для совершенства в 1600 ей не хватает одной карши. Ясно, что прикядки при распределении наград этим трем категориям награждаемых производились в одно и то же время. Должно быть ясно также, что и табуницы отряда Апакиш принимали какое-то участие в событиях, связанных с «захватывающим» «антаков». Если к тому же они не названы *kurtas*, как во всех остальных текстах ТТ, и среди них нет девушек-подростков, то кто же они и какова их роль в событиях?

Гераклид Куманский (Athen., XII, FHG, 514, B) сообщает: персидского царя охраняют (*φυλάττουσι*) триста женщин; они спят днем, чтобы ночью бодрствовать; ночь же проводят в пении и игре на музыкальных инструментах при горящих светильниках; царь часто использует их и в качестве мелофоров (копьеносцев) придворе. О женщинах — телохранителях царей Магадхи сообщает Страбон (XV, I, 55 — по Мегасфену).

Не представляет ли и партия наших табуниц с их делением на десятки как раз тот разряд телохранителей, о которых говорит Гераклид Куманский? И если, согласно последнему, персидский царь часто (*καὶ πολλὰκις*) использует их в качестве отряда своей гвардии, то почему и наши табу-

щицы, предводительствуемые обычно Апакиш, не могли быть использованы при случае в качестве конной стражи, выступающей отрядами по десять человек, причем в таком исключительном случае командование могло быть передано царем другому лицу, какому-нибудь Апишиятишу. При награде в полкарши⁴¹ число этих женщин, 300+30 (=330), составило бы число, названное Гераклидом.

В переводе строк 3—5 вместо принятого условно и предварительно — «женщины (занятые уходом за?) лошадь(ми) Апакиш» — следовало бы теперь поставить: «женщины-конники (отряда) Апакиш».

Эти «амазонки», зависимые только от царя, могли быть использованы если не при «захватывании» «антаков», то для замены тех во дворце, кто был направлен против «антаков», или для усиления дворцовой охраны. И все же какую-то серьезную услугу, выходящую за пределы обычной охраны, при какой-то неизвестной нам конкретно ситуации, они оказали Дарию, почему и получили «помощь» и не сиклями, как *курташ* следующих документов 7 и 8, а круглыми каршами как «оросанги» и «тауцати». При этом Дарий употребил здесь то же слово, которое встречается не раз в контексте стереотипного оборота в Бех.: *augamazdamaïu upastam abara* «Аурамазда мне помощь послал», оборота, переводимого эллинизмом: ^{an}u-ga-mas-da pi-ik-ti ^uú.da-iš. Как было замечено раньше, pi-ik-ti встречается в ТТ только здесь.

Наконец, приведем последние из серии пяти наших документов, седьмой и восьмой.

ТТ, 7

<1> 4 ME 10 kur-šá-am	410 каршей
<2> 6 ki-EL KU BAVBAR ^{idg}	6 сиклей, серебро,
<3> kur-mín ^λ un-sa-ak.-	из рук «унса-
<4> na ^λ kur-taš gal ma-	ка» <i>курташ</i> плату получаю-
<5> ki-ip ^λ ap-pi-ši-	щие — Апиши-
<6> ia-ti-iš DUMU	ятиш, сын
<7> ʾma(?)-úʾ-ka ak-ka	Вахауки, который (их)
<8> šá-ra-man-na du-iš-	начальник — полу-
<9> da gal. ʾukʾ-ku ^λ	чили сверх платы;
<10> sunkir še-ráš-da ^λ	Царь приказал (дать).
<11> da-du-man-ia tal-li-iš	Дадумания написал.

ТТ, 8

<1> 14 kur-šá-am ʾ6(?) ¹	14 каршей ʾ6 (?) ¹ [4 — В. Т.]
<2> ki-EL KU BAVBAR ^{idg}	сикля, серебро,
<3> kur-mín ^λ un-sa-	из рук «унса-
<4> ak.na ^λ kur-taš gal	ка» <i>курташ</i> плату
<5> ma-ki-ip ^λ ba-	получающие — Ба-
<6> ka-ba-da ^{GIS} MA	габата ад-
<7> ^{idg} gi-ul-li-	ми-
<8> ra šá-ra-man-na	рал (их) начальник —
<9> du-iš-da gal.	получили сверх
<10> uk-ku ^λ sunkir šé(!)-	платы; царь при-
<11> ráš-da ^λ daʾ-ad-	казал (дать). Даду-
<12> ʾdaʾ-man-ia ʾtalʾ-li-iš-da	мания написал

⁴¹ Обычная «ставка» женщин-*kurtaš* в 19—20 гг. Ксеркса (до этих лет выплат серебра женщинам в документах не встречается). Лишь в двух случаях — ТТ, 39 и 40 — встречаются «ставки», 7,5 сикля и 10 сиклей = 1 карша.

Замечания

Документы не похожи на известные нам тексты ГТ, фиксирующие различные выдачи *курташ* и дающие возможность получить такие данные, как число работников, род их работы (носильщики, землекопы, плотники и т. д.), «ставки» оплаты (всегда в сиклях и дробях сиклей), место и время работы. Ничего этого здесь нет. Данные документы, как и все остальные из нашей группы, составлены, очевидно, не для последующего контроля чиновников в отношении правильности произведенных ими выдач продуктов со складов, а для учета выданного из казны серебра. Это «счет кассы», находящейся *kuṣ-ṣin* «в руках» унсака Артадара. Во всей группе пяти документов каждый документ является как бы строчкой или графой в «перечне расходов серебра»: кому, сколько, краткая пометка, — за что: таким-то столько за «захватывание „антаков“», таким-то — «помощь», таким-то — «сверх довольствия». *Курташ*, согласно ГТ, получали обычное довольствие — корм в 1 *ка* муки в день и это называлось *галь*; зерно, выдаваемое в корм птицам, также называлось *галь*. Теперь *курташ* неожиданно для нас получают серебро «сверх *галь*». И если специально отмечено, что выдача произведена по приказу царя, значит сама выдача носит исключительный характер. Даже 14 каршей и 4 сикля последнего документа выданы с соизволения царя. Это говорит и о том, что Дарий сам ведал распределением выдаваемого серебра по всем пяти документам.

Суммы, выданные амазонкам, и *курташ* последних двух документов (1650 сиклей + 4106 сикля + 144) — дают опять «совершенно» круглую сумму 590 каршей, но теперь для «совершенства» не хватает уже 10 каршей. Как видно, сумма, выданная амазонкам, входила при первоначальных прикидках распределения в различные сочетания, анализ которых занял бы здесь много места.

Всего по всем пяти документам выдано (530+904+165+410,6+14,4) 2024 карша. При персепольской оценке 1 овца = 3 сикля указанная сумма равносильна тому, как если бы Дарий раздал около 7000 овец. В обычное время всякого рода выдачи по приказу царя были натуральными и подлежали весьма тщательному учету, как это показывает пример выдачи Дарием ста овец своей дочери (см. упомянутый выше, стр. 24, ГТ, 6754), когда в оформлении «отчего дара» участвовали четыре должностных лица с различными функциями, причем надо думать, дочь Артистона в получении овец выдала расписку (*du-me*) с приложением своей личной цилиндрической печати.

Другой характерный пример дает ГТ, 455 (Hallock, ук. соч., 248). По приказу Дария выдается 818 *ка* пива людям, обозначенным элам. термином *ša-lu-ir*; их 2454 человека; на каждого из них приходится по небольшой кружке в 0,28 л. Эти же *ša-lu-ir* встречаются в Бех., 3, где им соответствуют перс. *amāta* (вав. *mar bane*). К этому сословью, по заявлению Дария, принадлежали Ахемениды. И вот эти-то «благородные» получают по малой кружке пива, расход которого также подлежал учету. Видимо, подобного рода практика, как и тщательный учет податных возможностей каждой провинции, привели к тому, что персы, по Геродоту, называли Дария *κλιπλος* — лавочником и торгашом. Этот «торгаш», учитывающий каждую овцу и каждую кружку пива, ассигнует столько серебра, сколько стоят 7000 овец. Одариваемые, конечно, получают обычный *галь* — довольствие. Но здесь затронута серебро, негленное сокровище. Очевидно, только исключительные обстоятельства заставили Дария пойти на это.

* * *

Предшествующий анализ документов и замечания к ним позволяют перейти теперь к рассмотрению содержания документов в целом и воссозданию событий, связанных с «захватыванием» «антаков».

Суммы, выплаченные по всем документам, в особенности значительные по своей величине у «оросангов» и «гаупатиев», стоят в резком контрасте со скупостью данных о деле, за которое они выданы. Данные скудны: «пленили „антаков“ в Марсашке», получена «помощь», *куртаи* «сверх *галь*» получили серебро. Если «помощь» «амазонкам» могла выглядеть как милость Дария — Аурамазды, то за какую работу *куртаи* получили серебро сверх *галь*, не сказано. Ни года, ни месяца, ни кто такие «антаки», ни почему их приходилось захватывать. Но уж раз захватывали, значит стоили они того. Что же они сделали такое, что заставило Дария быть столь щедрым?

Дарий охотно описал в Бехистунской надписи борьбу со своими противниками и, в частности, сообщил даже о подавлении народного движения в Маргиане с указанием, сколько было загублено людей. Он назвал маргианцев *hamiθriya*, «мятежниками». А в наших документах только краткая пометка — «антаки». Перед нами явная тенденция поскорее предать забвению это, очевидно, опасное, движение. Позволено было сохранить только «кассовые документы», пять маленьких глиняных таблеток.

Перед нами, несомненно, какое-то народное движение, охватившее по крайней мере всю Персиду: об этом можно определенно заключать по первому документу — тринадцать «повсюду в Персиде ведали пленением „антаков“». Если бы не было этого указания, мы могли бы полагать, что пленение «антаков» имело место только в Марсашке, на севере Персиды, и, следовательно, движение было исключительно локальным, вызванным какими-то местными условиями.

Выше было замечено, что по сравнению с «гаупатиями» тринадцать мужей первого документа играли особую роль в деле пленения «антаков». Поскольку они не принимали непосредственного участия в деле захватывания, они могли составить только штаб или совет при Дарии, учрежденный для борьбы с движением.

Присмотримся к структуре этого совета. Числа каршей с первого взгляда выступают как прогрессия с разностью минус 10, но с перерывом при переходе от седьмого «оросанга» к восьмому: здесь разность минус 20. Уже это делит их на две группы. Первые семеро, начиная с Вахауки и до Багабигны, получили 390 каршей, в среднем по 55,7; вторые шестеро, от Видранги до Парниджи, — 140, в среднем по 23,3. На долю первых пришлось три четверти всей суммы. Оставив в стороне Вахауку, возможного главу совета (он первым назван в списке, его сын Апиштияш начальствовал над конной стражей «амазонок» и над партией *куртаи*), получаем по шесть человек в каждой группе.

Священное число первых семерых (Вахаука плюс шесть других), видимо, и составило собственно совет царя в борьбе с движением, подобно тому как в 522—521 гг. другие семеро, Дарий и шесть его сподвижников, тоже составили совет-штаб в борьбе с Гауматой и народными движениями тех лет, в частности с движением в Маргиане. И, как тогда, над семью витал «восьмой», Аурамазда (который, кстати, и в Авесте окружен семью боже-ствами, первым из которых является В о х у Мано), так теперь Дарий — явленный Аурамазда, «посылающий *urastam-pikti*» — имеет подле себя семь «оросангов», возглавляемых В а х а у к о й. Так, штаб по борьбе с движением освятил свою деятельность по захватыванию «антаков» орео-

лом божественности, хотя имена ⁴² этих «мужей совета» уже говорят, на что они были способны. Это все люди из военной среды.

Шестеро «оросангов» второй группы, получившие вместе лишь одну четвертую часть всей суммы, видимо, играли вторые роли, являясь помощниками первых шестерых.

Такой совет-штаб учреждался, очевидно, не для того только, чтобы послать приказа «гаупатиям» Пармиджи о выступлении в Марсашку для пленения «антаков». Это мог сделать и сам Дарий, сэкономив, кстати, 5000 сиклей. Как создание совета, так и указание документа, что деятельность мужей его распространялась «на всю Персиду» — оба эти момента говорят за то, что «антаки» действовали по всей Персиде.

Мы не можем уловить конкретные очертания этого движения и конкретные формы, в которые оно вылилось, но оно было массовым и для подавления его потребовалась вооруженная сила. Оно было в какой-то мере организованным, ибо для борьбы с ним потребовалось учреждение в Персиде особого совета-штаба. Оно, надо думать, имело и свою идеологию. В одних местах с ним справились обычными средствами, так что не пришлось особо награждать «пленителей»: последние должны были делать это за обычный *галь*. Поэтому о таких местах мы, естественно, ничего не знаем. В других, как в Марсашке, дело обстояло иначе.

Это поселение представляло какой-то значительный пункт на севере, быть может, тогдашний центр долины Беваат; здесь имелось царское хозяйство и какое-то святилище, в котором совершались культовые действия, обозначаемые эламским термином *лап*. Возможно, это был укрепленный *vardanap* ввиду соседства с кочевниками пустыни. Продвижение сюда «гаупатиев» из области Пармиджи ⁴³ — на значительное расстояние ⁴⁴ — означает, что долина Беваат контролировалась до этого «антаками» и сил Дария здесь не было. Продвижение сюда «гаупатиев» заставило «антаков» в конце концов отступить к Марсашке и укрыться за ее стенами («захват» «антаков» в Марсашке предполагает «захват» самого этого пункта). Если «антаков» приходилось захватывать, значит они оказывали сопротивление и, надо думать, судя по оценке Дарием заслуг их пленителей, вооруженное.

Если жертвы восстания в Маргиане определялись числом около 62 тыс. (552Х5 убитых и 6572 взятых в плен, «захваченных»), то едва ли будет правильным считать, что и войск у бактрийского сатрапа Дадаршиша было столько же или даже больше. Наоборот, сатрап, надо думать, опирался здесь на превосходство вооружения и выучки находившихся в его распоряжении царских войск по сравнению с численно превосходившими их массами маргианцев. Чрезвычайное же превышение числа убитых над числом «захваченных» ⁴⁵ является свидетельством кровавой расправы с безоружным населением после поражения в открытом сражении. Эти положения следует учесть при оценке событий в Марсашке. Вполне возможно, что «антаки» были не в такой степени вооружены, как направленные против них «скотовладыки» «гаупатии». В таком случае «антаки» должны были быть сильнее «гаупатиев» своим числом и своим духом.

⁴² Или прозвища — «гибельный», «захватывающий, уводящий воинов», «раздирающий тела (врагов)», «верзила», «горец».

⁴³ В известных нам текстах FT и TT Пармиджа больше не встречается. Но наличие там значительного числа «пастухов» («гаупатиев»), которых можно было использовать против «антаков», заставляет думать, что Пармиджа была областью с благоприятными условиями для пастбы крупного рогатого скота.

⁴⁴ Примерно около 150 км, если бы оказалось правильным предположение Кэмерона о локализации Pariz = Пармиджа, см. замечания к TT, 5, <4>.

⁴⁵ Ср. потери парфия у Патиграбаны: 6520 убитых и 4192 попавших в плен — Бех., 36.

Мы не знаем, сколько «гаупатиев» было направлено в долину Беванат. Полагать, что их число было равным числу награжденных, значит считать, что никто из них не погиб в продвижении по долине, что Марсашка была взята сходу, без боя, без пролития крови. Но в чем тогда была бы заслуга «гаупатиев»? Дарий в Бехистунской надписи, в вавилонской ее версии каждый раз после рассказа о сражении приводит числа потерь противника убитыми и пленными, но он нигде не говорит о своих потерях, которые, даже если они были меньше, чем у противника, все же должны были быть значительными.

Очевидно, что и в нашем случае «гаупатиев» было направлено больше, чем оказалось награжденных. Оставшиеся в живых и «представленные к награде» (которая, впрочем, несомненно, была общана заранее) были сведены в одну войсковую единицу под командой того же Саддумиша, как если бы число их и не уменьшалось, а было неизменным подобно известным 10 тысячам «бессмертных». Число «бессмертных» «гаупатиев», 113, напоминает нам вероятное деление конной стражи «амазонок» царя на десятки (10+1).

События в долине Беванат были, видимо, наиболее серьезными и драматичными в движении «антаков» Персиды. Непосредственным следствием поражения «антаков» в Марсашке явился зафиксированный в «кассовом» документе «захват» их, т. е. пленение оставшихся в живых с последовавшей затем расправой, клеймением и обращением в рабство.

Выше было предположено, что движение «антаков» было в какой-то мере организованным; однако, вероятно, оно в значительной мере было стихийным и разрозненным. Если оно было сильным и концентрированным в долине Беванат (чему, вероятно, благоприятствовало и окраинное ее положение), то в других местах, как было уже замечено, оно вылилось в более слабые формы волнений, подавленных обычными средствами, но тоже, надо думать, вооруженной рукой. В этой связи следует вспомнить упомянутый выше приказ о выдаче пива по кружке двум с половиной тысячам «аматов», тех «благородных», к которым принадлежали Ахемениды и из которых, можно думать, набиралась гвардия десяти тысяч «бессмертных». Получатели дара, вероятно, были направлены на подавление движения.

Документ награждения «аматов» датирован месяцем *šibari* (= перс. *атриядия*, ноябрь—декабрь) 23 (4?) года, 499 (498?) г. Выше (стр. 24 сл.) указывалось, что деятельность некоторых «оросангов» в сфере царского хозяйства (Парнака, Багабата) относится к 506—499 гг. Напутственный дар в Персеполе в студеные дни ноября — декабря 499 (498) г. вполне подходит к ситуации, сложившейся в Персиде в результате выступления «антаков», и может действительно рассматриваться как напутствие Дария «благородным», выступающим на подавление движения в разные пункты Персиды⁴⁶.

Быть может, с уходом «благородных» дорифоров из Персеполя гарнизон его оказался несколько ослабленным, и в связи с этим пришлось привлечь отряд конной стражи «амазонок» Апакиш, но поставить его под начальство сына Вахауки Апишиятиша. При этом они определенно совершили какую-то удачную, имевшую важное значение операцию, за которую и получили награду серебром. Если бы они несли обычную свою стражу во дворце и не совершили чего-то выдающегося, они получали бы свой обычный корм-*галь*, может быть, несколько усиленный, вместо 1 *ка* — 1,5.

В отношении оплаченных серебром *курташ* возможны два предполо-

⁴⁶ «Основанием» выдачи дара служит упоминаемый в документе «приказ царя с (отгиском) печати, прибывший в Парсу». Очевидно, Дария в это время не было в Персеполе; частые упоминания Сузы заставляют полагать, что он находился в этом городе.

жения. Либо *курташ* были использованы не на обычной работе, где они получали повседневный *галь*-корм, а на «работе», направленной на захватывание «антаков». Либо, если считать, что волнения проникли в среду *курташ* Персеполя, то выдача серебра «сверх *галь*» (*gal.uk-ku*) могла бы рассматриваться как стремление предупредить эти волнения. Второе предположение, как кажется, более вероятно.

Когда происходили эти события?

При ответе на этот вопрос необходимо учесть следующие моменты.

1) Документы хотя и не датированы, но составлены в одно и то же время: денежные суммы отдельных документов при сложении дают круглые цифры каршей; если в отдельных документах имеются суммы в виде каршей и сиклей, то при сложении выступают только карши, явный признак распределения какой-то заранее определенной суммы. Следует заметить при этом, что все эти выплаты являются одновременными. 2) По всем перечисленным выше (стр. 22) признакам документы по времени их составления относятся к табличкам крепостной стены, следовательно, вся эта группа документов составлена в промежутке между 510—494 гг. 3) Имя Фарнака, наиболее часто встречающееся в FT, засвидетельствовано документами 506 и 500 годов. Имя адмирала Мегабата связано с годом высшего пункта его деятельности, навархии в экспедиции на о. Наксос в 499 г. Эти данные могли бы уточнить датировку 506—494 годами. 4) Если бы какими-нибудь новыми данными подтвердилось высказанное выше предположение, что присланное в Персеполь в ноябре 499 (498?) г. распоряжение о выдаче «аматам» пива есть напутствие, подкрепляющее приказ о выступлении 2454 человек против «антаков», тогда движение было бы точно датировано 499 или 498 годом. Из наших документов не видно, получило ли движение «антаков» какой-либо отклик в сопредельных с Персией областях. Но оно могло затронуть, например, соседний Элам, который трижды восставал еще в начале царствования Дария. В таком случае можно было бы также предположить, что 2454 «амата» вызваны были Дарием для подавления движения в Эламе. 5) Активная политика Персии на западе, начавшаяся экспедицией 499 года на Наксос, была тогда же резко оборвана с началом осенью 499 г. ионийского восстания. Только весной 497 г. персы перешли к решительным действиям на Западе. За два года, 499—497, Персия утратила контроль над Ионией, Геллеспонтом, Карией, Ликией, Кипром. Сопоставление событий в Малой Азии с датой документа о персепольском даре «аматам» показывает, что при чтении в документе «23 год» названный дар совпадает с первыми месяцами ионийского восстания (конец 499 г.), при чтении «24 год» — со временем после сожжения Сард, восстания на Геллеспонте и освобождения Кипра (конец 498 г.). Если учесть, что персы снова начали активные действия на Западе весной 497 г., то персепольский дар следует, может быть, рассматривать как напутствие перед отправкой отборного персидского войска в далекий путь на Запад. Все это заставляет думать, что в данном документе следует читать «24 год» и время дара «аматам» отнести в промежуток между серединой ноября и серединой декабря 498 г.

Так как доходившие до Персиды известия о большом восстании на западе державы (утрата контроля над М. Азией и Кипром) давали надежду низам Персиды на успех их восстания, то уход из Персеполя (хотя бы и не на далекий Запад, а в Элам) отборных сил дорифоров-«аматов» должен был подтолкнуть «антаков» на выступление. В таком случае последнее следует отнести к осени 498 г.

И тем не менее мы все же не можем пока исключить и то предположение, что «аматы» были направлены против «антаков». Ведь «бессмертные»,

копыеносцы царя, подобно преторианской гвардии императорского Рима, предназначались в первую очередь против «внутреннего врага». При этом предположении выступление «антаков» прямо должно быть отнесено к осени если не 499, то 498 г.

Трудность дать общую характеристику движения заключается не только в том, что краткие заметки об израсходованном серебре, естественно, дают очень мало. Трудность эта в гораздо большей мере проистекает из того, что мы все еще далеки от вполне конкретного представления о строе древнеперсидского общества, — представления, от которого зависит понимание закономерностей его развития. Но мы можем по крайней мере говорить, чем не могло быть это движение. Вряд ли можно видеть здесь какое-либо вторжение в Персиду извне или восстание, например, эламитов, обитавших, по всей вероятности, и в Персиде, хотя, надо думать, в незначительном числе. Дарий не раз перечисляет подвластные персам народы, а в одной из надписей, предлагая посмотреть на рельефные фигуры, изображающие народности державы, подчеркивает и словами, «как далеко проникло копые персидского мужа». Если бы «антаки» были этнически чуждым для Персиды элементом, он не преминул бы назвать и их, как это делают документы персепольской казны, отмечая «сприйцев», «египтян», «ионян», «каров». «Антаки» входят в персидскую этническую общность и их движение — это движение в среде «персидских мужей».

Едва ли «антаки» — простые разбойники; с ними можно было бы справиться обычными средствами. Если бы удалось однозначно установить, что термин «антак» значит разбойник или убийца, это еще не решало бы дела. В Римской империи, например, движение рабов и колонов официально обозначалось как движение разбойников (*latrones*). «Разбой», заповоливший «всю Персиду», уже не разбой.

Еще менее можно говорить об «антаках» как обычных заключенных (*basta-rabbaqa*), которых «держат» (*1-mag* «держать») в оковах или стегут в заключение «темничные стражи» — «гаупати». Перед нами была бы обычная и постоянная функция государства, выполняемая стражами за обычный *галь*. К тому же для этого не требовалось бы учреждать особый совет-штаб для «всей Персиды» и освящать деятельность этого совета, представляя ее как деяния семи ормуздовых богов-приспешников, подобно тому как дело резни маргианцев было освящено тем, что оно совершалось «по воле Аурамазды». Именно тенденция освятить дело разгрома «антаков» говорит за то, что подавление движения не было обычным «держанием» в темнице, а чрезвычайной политической акцией ахеменидского государства против народных масс.

Итак, «антаки» — не *ucajiya* «эламиты», не *jatara* «убийцы», не *basta* «заключенные в оковы». Они, конечно, *hamidriya* «мятежники». Так названы были и маргианцы.

Когда Дарий говорит (*D Susa e 4*), что при его воцарении «земля была в смятении» и *aniya aniyamaja* «один другого убивал», а он сделал так, чтобы этого не было и чтобы сильный (*tauviya*) слабого (*skaudim*) не убивал и не притеснял (*naiy jatiy naiy vimardatiy*), то ясно, что речь идет здесь о борьбе в среде свободных. Последние, конечно, могли при этом использовать и рабов, как это имело место и в античном мире.

Движение, несомненно, имело свою «материальную подкладку», выражавшуюся в каких-то требованиях низов общества, — требованиях, возниковавших с ходом экономического развития общества и прогрессирующим разорением *karaha* «народа-войска». Конкретную форму движению в целом придали, разумеется, различные неизвестные нам обстоятельства и случайности. Мог выдаться «тяжелый год» с неурожаем и падежом скота. В *DP d 3* Дарий просит Аурамазду: «к стране этой (Персиде) да не под-

стужит ни haīna „(вражеское) войско“, ни dušiyaram „тяжелый год“, ни drauga „ложь“. Drauga часто фигурирует в Бехистунской надписи для обозначения смуты. В нашем случае «смута» была налицо, и толчком к ней мог оказаться как раз «тяжелый год». Быть может и указанная персепольская надпись появилась вслед за подавлением движения «антаков», как в свое время надпись на Бехистунской скале после большой «драуги» во всех странах. С тяжелым годом мог совпасть и уход части войск из Персиды на далекий запад, что сделало обстановку для выступления более благоприятной.

Выступлению, вероятно, предшествовали проявления недовольства, выразившиеся сначала в патриархальных просьбах о «помощи», реально понимавшейся «просителями» не как подачка, а как нечто, дающее возможность «существовать на этом свете» с достаточным количеством скота: это повелевает Аурамазда (Ясна, XII, 3). Но затем движение местами вышло за пределы патриархальных просьб и вылилось в явочный захват «помощи» со ссылкой на Аурамазда. Но это была уже самая настоящая «драуга», «ложь», ибо земной владыка Дарий, который «дружит» с Аурамаздой (ср. Бех., 60 и 66; D P d, 2) и знает его помыслы, иначе понимает дело: «не такова его, Дария, воля, чтобы сильный из-за слабого зло терпел» (D NR 6, 2). И все же в острый момент движения Дарий, выступая как Аурамазда, посылающий помощь, выдает *никти*-серебро женщинам конной стражи, а персепольским *курташ* серебро «сверх *галъ*» — по обоим выдачам без малого 6000 сиклей = 2000 овец.

Что в движении участвовали и *курташ* царского виса, за это говорит не только «превентивная» выдача им серебра, но и то обстоятельство, что среди 13 «мужей совета» почти половина может быть отождествлена с лицами, занятыми в управлении царским висом: они хорошо знали быт, нравы и помыслы *курташ*. В движении приняли участие, надо думать, и рабы (*libar*). Однако характерно, что участники движения не названы ни одним из этих терминов. Между тем, в текстах употреблен термин, включающий момент морально-политического осуждения. Так, отрицательно можно было квалифицировать лишь людей свободных, хотя бы и низведенных на положение рабов.

Возможное предположение, что перед нами не движение персидской бедноты и, возможно, рабов, а заговор знати (как, например, заговор в Сардах против дариева брата Артафрена, сидевшего там сатрапом, — заговор, исходивший из среды знати), представляется менее вероятным. Заговор, разветвленный «по всей Персиде», выходит уже за пределы собственно заговора как простой конспирации; он переходит в вооруженные выступления, и в нем не могли не принимать участие массы.

Как бы ни решался в окончательном виде вопрос об «антаках», мы все же не можем оставить без внимания факт несомненного народного движения в Персиде во времена Дария I.

